

Посвящается Констанции и Сталкерам —
с благодарностью

Орхан, сын Сийи, Доктус Феликс Преклариссимус,
здесь изложил историю Великой осады,
с тем чтобы деяния и страдания великих людей
никогда не были забыты

1

ВКлассис я заехал по делам. Мне понадобилось шестьдесят миль четырехдюймовой пеньковой веревки второго сорта. Я строитель понтонных мостов, а вся армейская веревка в Империи проходит через Классис. Сделка обычно идет так: подается заявка в Отдел снабжения дивизий, тот отправляет ее в Центральный отдел снабжения, от туда она уходит генерал-казначеею, он ее одобряет и отправляет назад в Отдел снабжения дивизий, откуда она отправляется через Центральный отдел снабжения снова в Классис, где квартирмейстер говорит: извините, у нас нет веревки. Или же можно нанять в Хереннисе какого-нибудь ловкача жулика, чтобы он вырезал на заказ такую копию печати казначейства, чтоб комар носа не подточил. Желанный оттиск я ставлю на свою заявку сам — и доставляю ее на руки заместителю квартирмейстера в Классисе, где есть старший клерк, который отмотал бы немалый срок в сланцевых карьерах, если б я не стащил кое-какие документы несколько лет назад. Я их, конечно, все

сжег сразу после того, как заполучил, но клерк-то этого не знает — вот и приходится ему выделять из армейских запасов шестьдесят миль веревки для меня.

Я выбрал сухопутный маршрут из Траекты в Цирт, пролегающий по одному из моих мостов (срочный заказ, выполненный мной пятнадцать лет назад; должен был стоять всего месяц, но мост все еще там, и это единственный путь через Лузен, не считая того, что в двадцати шести милях отсюда, если в сторону Понс-Йовианиса) и дальше вниз через перевал на береговую равнину. Открывающийся с перевала вид поистине легендарен — огромное зеленое лоскутное одеяло с синевой залива за ним, и Классис, геометрически идеальная звезда, тремя лучами вонзается в сушу, а еще тремя — вдается в море. Решение, если подумать, сугубо прагматичное, прямо по полевой инструкции. Более того, спустившись на равнину, вы уже не сможете ухватить эту форму, если только вы не Господь Бог. Три обращенных к морю рукава представляют собой сужающиеся причалы, в то время как их сухопутные аналоги — это оборонительные бастионы, предназначенные для прикрытия трех главных ворот огнем сразу с двух сторон. И наконец, когда девяносто лет назад был построен Классис, тут были огромные чащобы (срубленные на древесный уголь во время Народной войны — теперь памятью о них служат пеньки, болота и кустики ежевики), так что и с перевала его было толком не осмотреть. Я к тому, что эта зрелищная манифестация имперской власти, судя по всему, получилась сама собой. Добравшись

до перевалочной станции на Вехе 2776, я вообще не видел Классиса, хотя, конечно, его очень легко найти. Просто следуйте по прямой как стрела военной дороге уклоном в шесть футов — глазом моргнуть не успеете, и вы там.

Особо отмечу — прибыл я не на экипаже военной почты. Будучи почетным командиром инженерных войск, я имею на это право; будучи млеколицым (нас так называть не полагается, хотя все так и делают; мне-то всё равно; я люблю молоко), я не должен сидеть в одной карете с имперцами, это не принято — дорога от полустанка до полустанка длится шестнадцать часов, вдруг кто от вида моего занервничает. Конечно, они в мою сторону и слова не скажут. Робуры гордятся своими хорошими манерами; кроме того, назвать млеколицего млеколицым — акт предвзятости, от которого и до трибунала недалеко. Замечу, что никто никогда не сталкивался с официальными обвинениями на сей счет, что доказывает (вроде как): имперцы свободны от предубеждений. С другой стороны, несколько десятков офицеров резерва осудили и уволили за то, что они назвали имперца синешкурым, так что сами судите, насколько они порочны и достойны презрения.

Нет, я проделал весь четырехдневный путь на повозке гражданского перевозчика. С экипажем военной почты, меняющим лошадей на полустанках каждые двадцать миль, мне потребовалось бы пять дней с небольшим, но моя повозка везла рыбу — чудесный стимул двигаться дальше.

Повозка с грохотом подкатила к средним воротам, я спрыгнул наземь и заковылял к часовому. Тот

смерил меня угрюмым взором, потом — заметил мои офицерские петлицы. Я уже было решил, что меня вот-вот арестуют за то, что выдаю себя за военный чин (как будто впервой), но меня пропустили — правда, пришлось отскочить в сторону, чтобы меня не задавила телега размером с собор. Классис.

Приемная моего приятеля клерка находилась в квартале 374, ряд 42, улица 7. О последовательной нумерации в отделе поставок явно слышали, но сомневаются в ее эффективности, так что блок 374 вклинен между 217-м и 434-м. Улица 7 ведет с улицы 4 на улицу 32. Впрочем, наверное, так и должно быть, тем более что я тут вполне могу найти дорогу, а я всего лишь строитель мостов — никто.

Клерка на месте я не застал. За его столом сидел робур без малого семи футов росту в молочно-белом монашеском одеянии. Он был лыс как колено и смотрел на меня так, будто я только что вывалился из-под хвоста дворняги. Я упомянул имя своего приятеля. Робур улыбнулся.

— Его переназначили, — сказал он.

— Он мне не рассказывал.

— О таком переназначении с гордостью не говорят. — Он оглядел меня с головы до ног; я уже думал, что он сейчас заглянет мне в рот и примется зубы изучать. — Чем могу помочь?

Я одарил его широкой улыбкой.

— Мне нужна веревка.

— Прости. — Он явно был счастлив. — Веревки нет.

— У меня при себе одобренная заявка.

Он выставил вперед руку, я показал ему свою бумажку. Уверен, он заметил, что печать поддельная.

— К сожалению, в настоящее время у нас нет веревки,— сказал он.— Но как только мы получим...

Я кивнул. В штабном колледже меня не муштровали, так что в стратегии и тактике я не смыслю ни черта, но знаю: если проигрываешь — лучше вовремя отступить.

— Спасибо. Прошу простить за беспокойство. Его улыбка говорила, что он со мной еще не закончил.

— Оставь-ка этот свой запрос здесь.

С фальшивой печатью? Ищи дурака.

— Спасибо, но разве не нужно его отправить обратно по инстанциям? Я же не хочу влезать в арсенал без очереди.

— Думаю, порой можно и влезть.— Он снова протянул руку, и я подумал: «Черт!» А потом меня спасли враги.

История всей моей жизни. Счастливых случайностей на мою долю перепадает гораздо больше, чем я заслуживаю,— так что, получив гражданство, я указал Феликс как свое настоящее имя. Фортуна улыбалась мне почти на каждом повороте — а самая загвоздка в том, что ее агентами всегда выступали какие-нибудь плохие ребята. Судите сами — когда мне было семь лет, хусы напали на нашу деревню, убили моих родителей, а меня уволокли волоком и продали шердену, который и обучил меня плотницкому делу — тем самым утроив ценность — и перепродал на верфь. А когда мне исполнилось девятнадцать, через три года после перепродажи, имперская армия вздумала пойти с карательной экспедицией против шерденских

пиратов. Угадайте, кто был среди пленных, доставленных обратно в Империю, — флоту всегда отчаянно не хватает умелых работяг на верфях. Мне разрешили вступить в армию, чем я и заслужил гражданство, и в двадцать два года я стал бригадиром. А затем пришли эхмены и захватили город, где я находился. Меня, одного из выживших, перевели в инженерный корпус, где теперь я имею честь быть почетным командиром. Такой вот у меня путь. Головокружительный взлет от безграмотного раба-деревенщины до командира полка в Империи — на совести хусов, шерденов, эхменов и, наконец, не в последнюю очередь робуров, жутко гордых тем фактом, что за прошедшие сто лет они убили более миллиона подобных мне. Один из городских уродских карго-культов из разряда «сегодня мы тут заправляли, а завтра всех нас разогнали» утверждает, что путь к добродетели пролегает через любовь к своим врагам. У меня с этим точно никаких проблем нет. Мои враги мне всегда помогали, им я обязан всем, что имею. А вот от друзей — впрочем, у меня их было немного — я не получал ничего, кроме боли и обид.

Я заметил, что робуру стало не до меня — он уставился в окошко. Я подступил поближе, заглянул ему через плечо и спросил:

— Это что, дым?

— Да. — Он на меня даже не оглянулся.

Пожар в таком месте, как Классис, — плохая новость. Любопытно, как люди реагируют. Мой собеседник, например, застыл как вкопанный, а я вот что-то занервничал. Чтобы лучше видеть, как горит длинный амбар, из обоих окон которого дымило, я привстал на цыпочки.

— Что у вас там хранится? — поинтересовался я.

— Вербка, — ответил он. — Три тысячи миль.

Оставив его тарашиться, я удрал. Армейская веревка просмолена насквозь, а в Классисе у всех сараев вместо крыш — солома. Сейчас лучше держаться отсюда подальше.

Я выскочил во двор. Люди бежали во все стороны. Некоторые из них не были похожи ни на солдат, ни на клерков. Один из них бросился ко мне, потом остановился.

— Прошу прощения, — сказал я, — а не подскажете...

Он пырнул меня; я не заметил меча в его руке. Что за черт? Теперь он нацелился в голову. Может быть, я не самый пронцательный парень на свете, но между строк читать умею: я ему не нравился. Я метнулся в сторону, дал ему по пяткам, а потом ударил ногой в лицо. Такого в инструкциях по строевой подготовке нет, но, когда тебя воспитывают работоторговцы, образование выглядит примерно так. Прием напомнил мне о шердене-плотнике (собственно, он меня ему и научил); я подумал о пиратах, и тогда до меня дошло.

Я наступил человеку с мечом на ухо, надавил, пока что-то не хрустнуло — не то чтобы я затаил обиду, — и огляделся в поисках места, где можно было бы спрятаться.

Если происходит что-то без шуток плохое, всегда требуется время на осознание. Шерденские пираты беснуются в Классисе? Да быть такого не могло. Я шмыгнул в тенистый проем и замер совершенно неподвижно. Если глаза не ввали, очень даже могло. От

